Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 821.161.1

Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова

Мельник Владимир Иванович
Доктор филологических наук,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан,
профессор кафедры литературоведения,
Государственная академия славянской культуры,
125373, Россия, Москва, ул. Героев Панфиловцев, 39;
e-mail: melnikvi1985@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению принципов использования фольклорного материала в прозе И.А. Гончарова. Автор затрагивает тему интертекстуальных связей, в частности, мифологизма в произведениях прозаика, утверждая, что, лишенные внешнего этнографизма, гончаровские романы показывают глубокое и органическое усвоение автором специфики русского устного народного творчества. Выявляется значение в биографии писателя русских фольклорных повестей и сказок. Автор проводит параллель между Обломовым и образами русского сказочного и былинного фольклора. Несомненно, Гончаров демифологизирует сказку, но и подчеркивает нравственные достоинства ее героев. Автор заключает статью кратким обзором фольклорных аллюзий в романах писателя.

Для цитирования в научных исследованиях

Мельник В.И. Фольклорный базис художественной модели И.А. Гончарова // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – № 4. – С. 67-81.

Ключевые слова

Гончаров, Обломов, реминиценции, аллюзии, рецепция, фольклор, былины, русская волшебная сказка, фольклоризм, мифологизм.

Введение

Может быть, именно специфика изобразительного таланта Гончарова не позволяет в течение уже долгого времени выяснить относительно простые вопросы, связанные с проблемой традиций классической литературы в его творчестве. Реминисценции в произведениях Гончарова почти всегда неявны, глубоко спрятаны, переплавлены в нечто органическое собственному стилю (вспомним, что И.С. Тургенев или Ф.М. Достоевский могли выделять чужой текст или мысль в своем произведении даже курсивом!)[1].

В настоящий момент положено начало поискам творческих связей русского писателя с Дж. Байроном, Ч.Диккенсом [Тихомиров, 1991, 126-134][2], В.Скоттом [Жилякова, 1986; Гейро, 1982, 130], Ф.Шиллером [Мельник, 1982; Тирген, 1980] и другими классиками мировой литературы, а также мыслителями [Mann, 2013; Kliger, 2013].

Сопоставление романов Гончарова с произведениями указанных европейских авторов указывает на то, что как художник Гончаров существовал в определенной литературной традиции, – не только отечественной (в той или иной мере изучены его связи с творчеством А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, И.С. Тургенева, Н.М. Карамзина, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других), но и европейской, органически и творчески усваивая лучшие традиции мировой литературы.

Особенность художественного мышления Гончарова состоит прежде всего в его неподражаемой способности органично переплавлять и «уравно-

1 Л.Я. Гинзбург справедливо определяет курсив как «смысловой нажим» [Гинзбург, 1982, 153]. Подсчитано, например, что «смысловой нажим» графическими средствами И.С. Тургенев использовал в одном лишь романе «Отцы и дети» более 140 раз [См.: Шпилевая, 1989].

2 Нельзя не учесть и ценное замечание Н.И. Пруцкова: «Восприятие жизни в ее незыблемых и вполне сложившихся формах, противопоставление этой нормы жизни (как идеала) хаосу и брожению служило благодатной почвой для широкого проникновения в систему гончаровского романа элементов рационалистической поэтики... в которой большую роль играли постоянно применяемые одни и те же способы и приемы изображения жизни, позволяющие воспроизвести в ней постоянное, уложившееся... В этой области можно было бы провести аналогию между Гончаровым и любимым им Диккенсом» [Пруцков, 1988, 183].

вешивать» в своих текстах самые различные литературные традиции. Поэтому в его произведениях находим своеобразный синтез идей и эстетических принципов античности, Возрождения, Просвещения, Православия. Все это отливается в ровной, словно из меди вылитой гончаровской фразе, уравновешенной, симметричной, классической в полном смысле слова.

Источники мифологизма в прозе И.А. Гончарова

В настоящей статье нас интересуют не частные, локальные, личностные влияния тех или иных писателей на автора «Обломова». На наш взгляд, гораздо большее влияние на становление художественной и даже идеологической неповторимости Гончарова оказали внеличностные, культурно-эпохальные явления, такие, например, как русский фольклор или античная эстетика. Именно через исследование механизма взаимодействия Гончарова с безымянной, «мифологической» традицией лучше всего раскрывается базисная основа его творчества: мифологизм и необыкновенная пластическая «скульптурность» и видимая «объективность» художественного письма. Гончаров известен как художник масштабной «типизации». По словам В.А. Недзвецкого, «принципиальной особенностью реалистической типизации Гончарова является все более возрастающее стремление брать разнородные преходящие общественные приметы своего времени не просто широко, суммарно, но возводить их к неким “главным”, или “коренным”, “племенным”, “основам” жизни в целом – русской и мировой» [Недзвецкий, 1973, 66]. Но важно уяснить, что это стремление писателя к широчайшим обобщениям художественно реализовывалось через «мифологизм» его мышления: «Изображение характеров и событий в романе <«Обломов»> сочетает социальное и злободневное с национальным и архетипическим, с мифопоэтическим» [Nedzvetsky, 2013, 39]. Гончаров постоянно нацелен на соприкосновение и отталкивание от неких общекультурных или национальных мифологем – и на создание собственного художественного мифа. Таков, например, его Обломов, который и сегодня остается «столь же изумительным, символичным и актуальным» [Givens, 2013, 3], в котором легко отметить черты былинного Ильи Муромца, сидяще-

го в болезни на печи («для Обломова и Захара нормальное состояние – это лежание» [Pavlovsky, 1995, 12]), черты сказочного Иванушки-дурака, которого, по словам Татьяны Марковны Бережковой, «Бог поваля кормит», черты Ивана-Царевича, нарушившего запрет и потерявшего свою «царевну-лягушку», наконец, черты кроткого Христа, которые так ясно разглядел в свое время Ф.М. Достоевский, записавший при подготовке «Идиота»: «Обломов-Христос». Включаясь в общелитературную – русскую и мировую – традицию, более всего следуя за А.С. Пушкиным, Гончаров сумел со временем осознать свою главную особенность, выделяющую его как художника из общего ряда. Автор «Обломова» не сразу осознал одну из главных оригинальных черт своего таланта. Пожалуй, первое настоящее проявление указанной черты – роман «Обыкновенная история», построенный на евангельской притче о блудном сыне.

Трудно переоценить значение фольклорных образов и мотивов для Гончарова, постоянно размышлявшего о национальном русском характере, его достоинствах и недостатках. Впитывая художественный опыт мировой классики, разрабатывая «мировые» вопросы жизни человека и человечества, писатель исходной точкой своих размышлений всегда делает национальную жизнь в ее устойчивых моментах. Он как бы «накладывает» свои культурные и цивилизационные разработки на «плато» русского национального характера, русской жизни. Для него чрезвычайно важны – не как фоновый, но как объясняющий фактор – и сказочный Емеля, и былинный Илья Муромец. В конечном счете воздействие национального фольклора на личность и творчество писателя не поддается точной оценке и учету – и все равно окажется (несмотря на сравнительно небольшое количество прямых следов влияния и «реминисценций») гораздо более важным, чем какое-либо другое «влияние». Аксиоматично, что тяготение писателя к фольклорным образам, мотивам и пр. говорит не только о его внимании к национальным корням, но и о его попытке представить в своем творчестве определенную версию национального характера. Илья Ильич Обломов, несомненно, национальный персонаж. Смеем утверждать – самый национальный из великих литературных героев русской литературы XIX века. Ни Евгений Онегин, ни любимый Гончаровым Чац-

кий, ни Печорин, ни Пьер Безухов не идут в сравнение с Ильей Обломовым в этом смысле. И это сразу, кстати сказать, заставляет отказаться от примитивных трактовок образа Обломова, которыми грешили Аполлон Григорьев, Р.В. Иванов-Разумник и др. Однако определить природу фольклоризма писателя затруднялись буквально все, ограничиваясь весьма общими определениями и замечаниями о присутствии «народной поэзии» или, скорее, ее духа в творчестве Гончарова. Национальный колорит, легко улавливаемый в произведениях Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова и других национально мыслящих классиков[3] позапрошлого века, – как-то странно-очевидно и в то же время неявственно – присутствует у Гончарова. Лишенные внешнего этнографизма, гончаровские романы показывают глубокое и органическое усвоение автором специфики русского устного народного творчества. Прежде всего здесь следует назвать образ Ильи Обломова, в котором отраженным светом светятся главные, коренные мотивы русской волшебной сказки и былины о богатыре Илье Муромце: недаром рассказанная Штольцем «жизнь Обломова <…> имеет все признаки национального эпоса» [Kucherskaia и др., 2013, 79]. При этом образ эпического героя и сюжет глубоко национален, в связи с чем исследователи предлагают роману жанровые обозначения «анти-одиссеи», «антитравелога» [Lounsbery, 2011, 43].

Из гончаровских автобиографий мы знаем, что в пансионе священника Ф.А. Троицкого мальчик Гончаров изучал французский и немецкий языки, много читал. В автобиографиях писатель никак не акцентирует знакомство с фольклором, но все-таки отмечает в одной из них, что находил «в лакейской дома у себя сказки о Еруслане Лазаревиче, Бове Королевиче и другие, читал и их» [Гончаров, т. 8, 221][4]. Сказки эти были чрезвычайно популярны в то вре-

3 Несомненно национально мыслящим писателем ощущал себя и Гончаров. Однажды он сказал: «Я терпеть не могу видеть себя переведенным: я пишу для русских…» [Гончаров, т. 8, 388].

4 Сказка о Еруслане Лазаревиче (полное название: «Сказка полная о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны»), по указанию Д.А. Ровинского, была издана в 1810-1820-х гг. и выдержала до 1839 года четыре издания [Ровинский, 1900, 203-204]. Полная редакция сказки о Бове королевиче была издана в 1790 или 1791 гг. и многократно переиздавалась в первой трети XIX века [Кузьмина, 1964, 65-66].

мя. Брат Ф.М. Достоевского А.М. Достоевский вспоминал: «В наше время, т.е. во время нашего детства, были очень распространены так называемые лубочные издания сказок: про «Бову королевича», «Еруслана Лазаревича» и т.п. Это были тетради в четвертушку, на серой бумаге, напечатанные лубочным способом или славянскими, или русскими буквами, с лубочными картинками вверху каждой страницы. Таковые тетрадки и у нас дома не переводились» [Достоевский, 1930, 51]. Очевидно, с этими изданиями имел дело и мальчик Гончаров. Между прочим, сказка о Еруслане Лазаревиче эхом отзовется в романе «Обломов»: «Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит» (Ч. 1, гл. VI). Как указывает Ю.Прозоров, «что касается образов устной народной поэзии, с которыми герой Гончарова познакомился в начале жизни, надо сказать, что привлекательные интерпретации этих образов через античное начало (когда Жар-птица – это «наше Золотое руно», а богатыри, древние герои, – «наши Ахиллесы и Улиссы») отражают не столько наивное народное сознание, которое породило эти образы, сколько культурное, интроспективное сознание современного цивилизованного человека, несколько «историко-филологический» подход, присущий в равной степени автору романа и его главному герою» [Prozorov, 2013, 42].

Ясно, что лакейская никогда не была для писателя единственным или, тем более, главным источником познания народного творчества. Несомненно, главную роль в этом сыграла его няня. Она оказала на маленького Ваню Гончарова огромное влияние, о чем, к сожалению, совершенно умалчивает академическая наука. Именно она открыла для будущего писателя сокровищницу русского фольклора. На всю жизнь Гончаров сохранил к няне сердечную любовь. Ее образ не раз, не узнанный нами, мелькает на страницах гончаровских произведений [подробнее см. Мельник, 2006].

Волшебная сказка в творчестве И.А. Гончарова

Центральное место в русском фольклоре для романиста, несомненно, занимает сказка, причем, главным образом, сказка волшебная. Феномен вол-

шебной сказки – это, по Гончарову, феномен русского национального сознания. Сон-жизнь Ильи Обломова в своих фундаментальных характеристиках предопределен именно мифологизированным сознанием, вынесенным из нежного детства: «Обломов имеет признаки и комических, и героических персонажей русского фольклора» [Nedzvetsky, 2013, 39]. Почти все, писавшие об отношении Гончарова к волшебной сказке, отмечали лежавшее на поверхности негативное отношение к ней как к источнику «обломовщины» [ср. Testa, 1994]. Позитивная же сторона дела не столь явна, – и ускользала от взоров исследователей. Если «сон» погубил Илью Обломова, то он же является источником и лучших качеств его души. В образе Ильи Обломова явно проглядывают черты, характерные для героя не только русской сказки, героя «обиженного, обездоленного, гонимого и униженного представителя семьи, рода, селения» [Мифы народов мира, 1988, 422]. Как и Иван-дурак, Илья Обломов все делает «не так», он не может, как другие, устроиться в жизни, приспособиться к ней, а если и устраивается, то лишь чудом, по принципу: «Бог дурака поваля кормит», «дуракам везет». Но обязательное условие такого везения в русской сказке – незлобливость или прямая доброта героя, – что и подчеркнуто в образе Обломова. Иван-дурак в сказке часто чудесным образом превращается в Ивана-царевича. В Илье Обломове мелькают черты и того, и другого, ибо свою чудесную «награду» Илья Ильич тоже получает в романе (спокойная, сну подобная, жизнь с Агафьей Матвеевной – Милитрисой Кирбитьевной). В этом смысле имена Еруслана Лазаревича и Бовы Королевича упомянуты в романе недаром (хотя герой и отказывается от чтения [Chavdarova, 2001]): на Выборгской стороне герой находит совершенно случайно, без каких-либо усилий жизнь покойно-сказочную, волшебную, тихую, без перемен, жизнь Ивана-Царевича, которая в сказке не изображается, а лишь достигается в финале: «И стали они жить-поживать»... Вот это «жить-поживать» и изображает в своем романе Гончаров, разоблачая сказку, но и утверждая исключительность нравственной чистоты сказочного героя.

Сам роман многое позаимствовал у поэтики сказки. Как и в волшебной сказке, в романе показаны повторяющиеся циклы жизни героев. Интересно отметить, что в романе, как требуют каноны волшебной сказки, наличеству-

ет «топос путешествия» [Kleespies, 2011, 21], характерный и для романа XIX века. Время, изображаемое в романе, не просто охватывает несколько исторических периодов (в отличие от романа о лишних людях, где временной диапазон значительно уже и принципиально историчен) – оно фольклорно, устойчиво, незыблемо (что дает исследователям повод говорить об «анахронической позиции России» [Kliger, 2011, 45]). Все изменения событий, пространства, героев происходят как бы внутри устойчивых родовых признаков, циклично: Обломовка – Выборгская сторона, Илья Иванович – Илья Ильич, Милитриса Кирбитьевна, няня и матушка (женщина-хранительница) – Агафья Матвеевна. Из сказочного времени выпадают лишь такие герои, как Штольц, – «чужой», «другой», «немец» [Rebel', 2013, 9] – и, впоследствии, Ольга. Это люди линейного исторического времени и несказочного пространства, с их образами ассоциируются конкретные события, реалии и проблемы: реформы, постройка железных дорог, устройство концессий, проблема эмансипации женщин, – которые касаются и противопоставления восточного и западного в судьбе России [см. Lim, 2009; Kleespies, 2012]. Остальные герои живут в том времени, которое в сказке обозначается формулой: «Жили-были...». Подобно тому, как в волшебной сказке герой нарушает запрет – и теряет свою невесту, Илья Обломов не выполняет указаний своей невесты Ольги Ильинской – и утрачивает ее. В романе Гончарова разоблачение сказки, демифологизация сочетаются с явным тяготением к нравственному ядру русской волшебной сказки, с ее поэтизацией «дурака», не обычного, заурядного ленивца, но «дурака» с «золотым сердцем». Емеля-дурак, а вместе с ним и Обломов делают установку не на здравый смысл, не на «земное» разрешение проблем жизни, а на «запредельное», на «Божий промысел». И в этом главную роль играет то обстоятельство, что сказочный дурак живет не умом, а сердцем. Им-то, сердцем и постигается запредельное, внелогичное, неземное.

Заключение. Сказочная подоплека романов И.А. Гончарова

Лишь в первом своем романе (и в раннем творчестве вообще) Гончаров упускает шанс использования столь богатых возможностей фольклора.

«Обыкновенная история» скорее построена на основе евангельской притчи о блудном сыне. Но уже в 1840-е годы, сразу после «Обыкновенной истории», пишется «Сон Обломова», в котором Гончаров как бы «подключается» к мощным слоям народного фольклорного мышления, обогащая евангельскую основу своих романов (неизменную во всей трилогии) и вводя еще один важный «вектор измерения». Дело в том, что «Обыкновенная история» – роман сравнительно «космополитичный». Как только Гончаров начинает осмысливать национальную жизнь в ее глубине (а это не только «Обломов», но и «Фрегат “Паллада”» и «Обрыв»), на уровне особенностей национального характера, он с неизбежностью обращается к тем жанрам, в которых наиболее рельефно выразились черты этого характера (волшебная сказка и былина). В результате меняется сам жанровый код гончаровского романа в «Обломове». Былинные черты характера главного героя даны в противопоставлении со «сказочными» его чертами. Отношения героев, развитие характера в «Обломове» во многом строятся по сюжетной канве волшебной сказки. В итоге роман приобретает новые жанровые признаки, в нем господствует атмосфера волшебной сказки. Роман «Обрыв» в этом смысле строится несколько иначе, в нем заложены структурные элементы сказки о злом волшебнике и красавице. Марк Волохов очаровывает Веру, одурманивает ее – точно так же, как нигилизм, это новое учение, пришедшее в Россию с Запада, одурманивало русскую молодежь 1860-х гг. Роман полон «чудовищ». Кроме злого волшебника Марка, там в Марфинькином сне мы встречаемся с гоголевским Вием, с языческими богами (Геркулес и пр.). Вера сравнивается с хищной птицей, страсть, ее гложущая, с тигром. Такой набор не случаен. Все это «лики» страшного чудовища, или злого вошебника, пытающегося отобрать душу у красавицы Веры. Благодаря фольклорному фону, роман «Обрыв» наполняется фольклорным же временем: современная история, с ее злободневными вопросами, сочленяется в романе с внеисторичной, метафизически осмысленной судьбой России, в основе которой – национальный характер русского человека, отраженный различными гранями в образах бабушки Татьяны Марковны, Райского, Марка Волохова, Веры, Марфиньки, «доброго медведя» Тушина.

Библиография

1. Гейро Л.С. О проблемах научного издания И. А. Гончарова // Русская литература. – 1982. – №3. – С. 119-134.
2. Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Статьи и очерки. – Л., 1982. – 422 с.
3. Гончаров И.А. Собрание сочинений. В 8-ми томах. – М., 1952-1955.
4. Достоевский А.М. Воспоминания. – Л., 1930. – 427 с.
5. Жилякова Э.М. И.А. Гончаров и В.Скотт (некоторые наблюдения) // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1986. – С. 197-214.
6. Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. – М., 1964. – 344 с.
7. Мельник В.И. Философские мотивы в романе И.А. Гончарова «Обломов» (к вопросу о соотношении социального и нравственного) // Русская литература. – 1982. – № 3. – С. 81-99.
8. Мельник В.И. Няня Ивана Гончарова // Литературная Россия. – 2006. – № 14 (2250). – С. 16.
9. Мифы народов мира. Изд. 2-е. – М., 1988.
10. Недзвецкий В. Психологическое течение в литературе критического реализма (Гончаров) // Развитие реализма в русской литературе: в 3-х тт. – Т. 2, кн. 1. – М., 1973. – С. 54-90.
11. Пруцков Н.И. Классическое наследие и современность. – Л., 1988. – 330 с.
12. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. – СПб., 1900. – Т. 1. – 286 с.
13. Тирген П. Обломов как человек-обломок (к постановке проблемы Гончаров и Шиллер) // Русская литература. – 1980. – №3. – С. 18-33.
14. Тихомиров В.И. И.А. Гончаров. Литературный портрет. – Киев, 1991. – 154 с.
15. Шпилевая Г.А. «Чужое слово» как средство социально-психологической индивидуализации в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Содержательность форм в художественной литературе. – Куйбышев, 1989. – С. 85-89.
16. Chavdarova D. Shpon'ka i Oblomov – otsutstvie chteniia (otkaz ot chteniia) // Russian Literature. – 2001. – № 49 (3). – P. 315-323.
17. Givens J. Goncharov's 'Oblomov': Editor's Introduction // Russian Studies in Literature. – 2013. – № 49 (4). – P. 3-7.

18. Kleespies I. Russia's Wild East? Domesticating Siberia in Ivan Goncharov's 'The Frigate Pallada' // Slavic and East European Journal. – 2012. – № 56 (1). – P. 21-37.
19. Kleespies I. Superfluous Journeys? A Reading of 'Onegin's Journey' and 'A Journey around the World by I. Oblomov' // Russian Review. – 2011. – № 70 (1). – P. 20-42.
20. Kliger I. Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism // Slavic Review. – 2011. – № 70 (1). – P. 45-66.
21. Kliger I. Hegel's Political Philosophy and the Social Imaginary of Early Russian Realism // Studies in East European Thought. – 2013. – № 65 (3-4). – P. 189-199.
22. Kucherskaia M., Averin B., Zakurenko A., Sharov V. The Real Goncharov ['Znamia' Roundtable] // Russian Studies in Literature. – 2013. – № 49 (4). – P. 66-91.
23. Lim S.S. Whose Orient Is It?: 'Frigate Pallada' and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East // Slavic and East European Journal. – 2009. – № 53 (1). – P. 19-39.
24. Lounsbery A. The World on the Back of a Fish: Mobility, Immobility, and Economics in 'Oblomov' // Russian Review. – 2011. – № 70 (1). – P. 63-64.
25. Mann Yu. Goncharov in the Context of Philosophical Thought // Social Sciences. – 2013. – № 44 (1). – P. 50-54.
26. Nedzvetsky V. Ilya Oblomov As Portrayed in the Novel (Bicentenary of the birth of Ivan Goncharov) // Social Sciences. – 2013. – № 44 (1). – P. 39-49.
27. Pavlovszky M. Goncharov's Oblomov // Explicator. – 1995. – № 54 (1). – P. 11-14.
28. Prozorov Yu. Reading 'Oblomov'... // Russian Studies in Literature. – 2013. – № 49 (4). – P. 38-46.
29. Rebel' G. Oblomov and the Others // Russian Studies in Literature. – 2013. – № 49 (4). – P. 8-37.
30. Testa C. Goncharov's Oblomov: Fragmentation, Self-Marginalization, Cockroaches // Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves. – 1994. – № 28 (4). – P. 399-418.

Folklore roots of Ivan Goncharov's prose creative paradigm

Vladimir I. Mel'nik
Full doctor of philology,
member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
professor of the department of literary studies,
State Academy of Slavic Culture,
P.O. Box 125373, Geroev Panfilovtsev str., No. 39, Moscow, Russia;
e-mail: melnikvi1985@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the principles of the use of folklore material in Ivan Goncharov's prose. The author raises the question of reminiscences hidden in the works by Goncharov, addresses the subject of research of intertextual relations of the writer, focusing not only on relations with the Russian literature, but also on the European literary heritage. The author researches the mythologism in novels, arguing that, deprived of external ethnographism, Goncharov's novels reveal a deep and organic assimilation of the specifics of Russian folklore by the author. The article reveals the importance of Russian epic and fairy tales in the writer's biography. The author draws a parallel between Oblomov and images of Russian fairy and folk epic, identifies the relationship of Oblomov with the images of Ivan the Fool and Ivan Tsarevich, asserts the existence of two main chronotopes in the novel "Oblomov": Olga and Stolz live in the historic world, the other characters in the novel live in a fairy chronotope. Oblomov loses Olga, like a princess from a fairy tale, being unable to cope with a difficult task. Undoubtedly, Goncharov demythologizes tale, but also emphasizes the moral dignity of its heroes. The author concludes the article with the overview of folklore allusions in the novels of the writer.

For citation

Mel'nik, V.I. (2014) Fol'klornyi bazis khudozhestvennoi modeli I.A. Goncharova [Folklore roots of Ivan Goncharov's prose creative paradigm]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [*Language. Philology. Culture*], 4, pp. 67-81 (In Russian).

Keywords

Goncharov, Oblomov, reminiscences, allusions, reception, folklore, folk tales, Russian fairy tale, folklorism, mythologism.

References

1. Chavdarova, D. (2001) Shpon'ka i Oblomov – otsutstvie chteniia (otkaz ot chteniia). *Russian Literature*, 49 (3), pp. 315-323.
2. Dostoevskii, A.M. (1930) *Vospominaniya* [*Memories*]. Leningrad.
3. Geiro, L.S. (1982) O problemakh nauchnogo izdaniya I. A. Goncharova [On the problems of exact publications of I.A. Goncharov's prose]. *Russkaya literature*, 3, pp. 119-134.
4. Ginzburg, L.Ya. (1982) *O starom i novom. Stat'i i ocherki* [*About old and new. Articles and essays*]. Leningrad.
5. Givens, J. (2013) Goncharov's 'Oblomov': Editor's Introduction. *Russian Studies in Literature*, 49 (4), pp. 3-7.
6. Goncharov, I.A. (1952-1955) *Sobranie sochinenii* [*Works*]. In 8 vols. Moscow.
7. Kleespies I. (2011) Superfluous Journeys? A Reading of 'Onegin's Journey' and 'A Journey around the World by I. Oblomov'. *Russian Review*, 70 (1), pp. 20-42.
8. Kleespies, I. (2012) Russia's Wild East? Domesticating Siberia in Ivan Goncharov's 'The Frigate Pallada'. *Slavic and East European Journal*, 56 (1), pp. 21-37.
9. Kliger, I. (2011) Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism. *Slavic Review*, 70 (1), pp. 45-66.
10. Kliger, I. (2013) Hegel's Political Philosophy and the Social Imaginary of Early Russian Realism. *Studies in East European Thought*, 65 (3-4), pp. 189-199.
11. Kucherskaia, M., Averin, B., Zakurenko, A., Sharov, V. (2013) The Real Goncharov ['Znamia' Roundtable]. *Russian Studies in Literature*, 49 (4), pp. 66-91.
12. Kuz'mina, V.D. (1964) *Rytsarskii roman na Rusi. Bova, Petr Zlatykh Klyuchei* [*Tale of chivalry in Russia. Bova, Peter of Golden Keys*]. Moscow.

13. Lim, S.S. (2009) Whose Orient Is It?: 'Frigate Pallada' and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East. *Slavic and East European Journal,* 53 (1), pp. 19-39.
14. Lounsbery, A. (2011) The World on the Back of a Fish: Mobility, Immobility, and Economics in 'Oblomov'. *Russian Review*, 70 (1), pp. 63-64.
15. Mann, Yu. (2013) Goncharov in the Context of Philosophical Thought. *Social Sciences,* 44 (1), pp. 50-54.
16. Mel'nik, V.I. (1982) Filosofskie motivy v romane I. A. Goncharova "Oblomov" (k voprosu o sootnoshenii sotsial'nogo i nravstvennogo) [Philosophical motives in Ivan Goncharov's novel "Oblomov" (to the question of the relationship between social and moral aspects)]. *Russkaya literature*, 3, pp. 81-99.
17. Mel'nik, V.I. (2006) Nyanya Ivana Goncharova [Ivan Goncharov's nanny]. *Literaturnaya Rossiya*, 14 (2250), pp. 16.
18. *Mify narodov mira* [*Myths of nations of the world*]. (1988) 2nd edition. Moscow.
19. Nedzvetskii, V. (1973) Psikhologicheskoe techenie v literature kritichesko-go realizma (Goncharov) [Psychological trend in the literature of critical realism (Goncharov)]. In: *Razvitie realizma v russkoi literature* [*Development of realism in Russian literature*]. In 3 vols. Vol. 2, book 1. Moscow, pp. 54-90.
20. Nedzvetsky, V. (2013) Ilya Oblomov As Portrayed in the Novel (Bicentenary of the birth of Ivan Goncharov). *Social Sciences*, 44 (1), pp. 39-49.
21. Pavlovszky, M. (1995) Goncharov's Oblomov. *Explicator*, 54 (1), pp. 11-14.
22. Prozorov, Yu. (2013) Reading 'Oblomov'... *Russian Studies in Literature*, 49 (4), pp. 38-46.
23. Prutskov, N.I. (1988) *Klassicheskoe nasledie i sovremennost'* [*Classical heritage and modernity*]. Leningrad.
24. Rebel', G. (2013) Oblomov and the Others. *Russian Studies in Literature*, 49 (4), pp. 8-37.
25. Rovinskii, D.A. (1900) *Russkie narodnye kartinki* [*Russian folk images*]. Vol. 1. Saint-Petersburg.
26. Shpilevaya, G.A. (1989) "Chuzhoe slovo" kak sredstvo sotsial'no-psikhologicheskoi individualizatsii v romane I.S. Turgeneva "Ottsy i deti" ["Alien word" as a means of social and psychological individualization in Turgenev's novel

"Fathers and Sons"]. In: *Soderzhatel'nost' form v khudozhestvennoi literature* [*Content-richness of forms in literature*]. Kuibyshev, pp. 85-89.

27. Testa, C. (1994) Goncharov's Oblomov: Fragmentation, Self-Marginalization, Cockroaches. *Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves*, 28 (4), pp. 399-418.
28. Tikhomirov, V.I. (1991) *I.A. Goncharov. Literaturnyi portret* [*I.A. Goncharov. Literary portrait*]. Kiev.
29. Tirgen, P. (1980) Oblomov kak chelovek-oblomok (k postanovke problemy Goncharov i Shiller) [Oblomov as man-fragment (to the problem of Goncharov and Schiller)]. *Russkaya literatura*, 3, pp. 18-33.
30. Zhilyakova, E.M. (1986) I.A. Goncharov i V.Skott (nekotorye nablyudeniya) [I.A. Goncharov and W. Scott (some observations)]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Tomsk, pp. 197-214.